

размышляет об оптимальных приемах воссоздания писателем образов крупных исторических личностей, особенно философов. Обращаясь в «Гномических заметках» к образам Сократа, Платона, Аристотеля, Филона, Плутарха и других известных мыслителей прошлого, он считает, что «правдивое изображение действительности» заключается не в перечислении отдельных положений их учений, а в словесном воссоздании «живого образа» каждого мыслителя (Памятники. IX—XIV. С. 337).

Внимание византийских гуманистов привлекает и такой способ художественной организации текста, как поэзия, хотя отношение к ней продолжает оставаться двойственным.

Развивая идеи античных «Поэтик», Иосиф Ракендит выдвигает на {419} первое место в поэзии ее художественно-эстетический аспект. «Достоинством ямбических стихов служит прежде всего благозвучие, и достигается оно закрытостью, замкнутостью слов и отсутствием в них зияния». Благозвучие представляется Иосифу главным в стихе, и он стремится выявить способствующие ему приемы и способы организации словесного материала. Это и ударения, и ритмика стиха, и поэтические тропы, и соответствующие концовки, на которые он обращает особое внимание. «Ведь благозвучная концовка придает ритмичность всему стиху, подобно тому, как у певцов последний звук красит песнь и сглаживает предшествующую нестройность» (Там же. С. 346). Важным представляется Ракендиту умение вместить всю мысль в один стих, «охватить ее вполне, уложить ее в стих и описать, не прищепляя мысль предыдущего стиха к стиху последующему» (Там же. С. 347).

Поэзия, считал Георгий Гемист Плифон, именно своей художественно-эстетической формой способствует усвоению знаний (сообщений) теми слушателями, на которых не действует красноречие. «И поэты, подкрашивая речи приятностью слов и ритма и соблазняя таким образом слушателей, убеждают не могущих различить красоты или уродливости выражений и ритма речей». Однако здесь же Плифон подчеркивает, что в поэзии главное не содержательный, а эстетический аспект: у поэтов «считается более важным не убеждать, а только услаждать слушателей»¹⁴. Поэтому он весьма скептически относится к гносеологическим возможностям поэзии. Поэты, полагает он, мало заботятся об истине, и их наряду с софистами не имеет смысла зачислять в ее глашатаи, в носители истинного знания, мудрости¹⁵.

Процветала в византийской культуре XIII—XV вв. и традиция описания произведений искусства. При этом в ходу были все известные предшествующему периоду типы экфрасиса. У Никифора Влеммида, например, мы встречаем указание на аллегорическую живопись древних и толкование ее. Он напоминает, что, согласно преданию, Лисипп, желая изобразить бег времени, написал его в образе глухого, лысого человека с крылатыми ногами, бегущего по колесу и протягивающего свой щит кому-то, стоящему внизу. Глухим он изобразил его, разъясняет Никифор, «потому, что взывающих к нему он нимало не замечает; с лысиной на затылке потому, что никто не может схватить его, преследуя сзади», а крылатые ноги — знак того, что никто не может опередить его¹⁶.

Большое количество художественных, часто фантастических описаний архитектуры, скульптуры, костюмов встречается в поздневизантийском романе. Здесь они выполняют чисто эстетические функции — создание соответствующего образа или настроения у читателя. Вот, к примеру, описание внешнего вида крепости дракона в романе о Каллимахе и Хрисоррое:

*Вся золоченая стена высоко поднималась,
И, чистым золотом блестя и красотой дивной.
Она и солнечных лучей сиянье затмевала;
И драгоценными зубцы камнями сверкали,
Переливаясь жемчугом и золотой, чеканкой. {420}*

Файл byz3_421.jpg

*Путешествие в Вифлеем. Ок. 1316—1321 гг.
Стамбул, Кахрие Джамии.
Мозаика на северной стене внешнего нарфика*

Великолепен замок был. А ворота у замка

¹⁴ Медведев И. П. Указ. соч. С. 180.

¹⁵ Там же. С. 178.

¹⁶ Цит. по: Фрейберг Л. А., Попова Т. В. Указ. соч. С. 181.